

ПОВЕСТЬ Г. ПАУЗЕВАНГ «ОБЛАКО» НА БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

Гудрун Паузеванг (Gudrun Pausewang; р.1928) можно по праву отнести к одной из значительных современных немецких писательниц, посвятивших свое творчество подрастающему поколению. Повесть «Die Wolke» («Облако», 1987) является первым и, по словам самой Гудрун Паузеванг, пока единственным произведением писательницы, в котором она повествует о техногенной катастрофе и ее возможных причинах и последствиях. Создавалось это произведение под впечатлением от Чернобыльской трагедии; в основу повествования положено описание вымышленной аварии на ядерном реакторе в Графенрейнфельде (Германия). Действие происходит в самом начале 1990-х гг., спустя некоторое время после настоящей аварии. В центре — четырнадцатилетняя девочка по имени Яна-Берта, жительница небольшого гессенского городка Шлитца. Однажды на уроке она слышит сигнал тревоги. Никто не знает, что случилось, и на первых порах всем кажется, что это шутка или учения. Однако вскоре становится ясно, что на атомном реакторе в Графенрейнфельде, расположенном в 80 километрах от Шлитца, произошел взрыв. Поначалу Яне-Берте везет: товарищ по школе, которому по пути с девочкой, предлагает подвезти ее до самого дома на своей машине. Однако улицы переполнены взбешенным, перепуганным, хаотично перемещающимся народом, повсеместно на дорогах появляются пробки, атмосфера исполнена паники и суеты...

Нетрудно заметить, что в своей повести, подобно классику немецкой литературы Г. Бёллю, современная писательница Г. Паузеванг с необыкновенной эмоциональностью рассказывает историю одинокого «маленького человека», заброшенного в жестокий мир, полный беспредела и отчужденности. Однако если Г. Бёлль описывал жизнь людей в тяжелые годы Второй мировой войны и не менее сложные и противоречивые времена после нее, то у Г. Паузеванг представлена история личности, вынужденной пребывать в постоянном страхе и неведении совсем по иным причинам — из-за экологического бедствия, внезапно вырвавшего ее и других людей из русла привычной повседневной жизни.

Повесть «Облако» (в белорусском переводе — «Хмара») не оставила равнодушным известного белорусского германиста и переводчика Владимира Попковича. Благодаря его стараниям белорусский читатель в 2011 г. (спустя 25 лет после аварии в Чернобыле) получил возможность познакомиться с творчеством Г. Паузеванг, и прежде всего — с ее произведением, в центре которого — интерпретация трагедии, самым прямым образом коснувшейся судеб белорусского народа.

Обратимся к заглавию. Любой писатель, как известно, вкладывает в него определенный символический смысл. В своем произведении, посвященном Чернобылю, Г. Паузеванг не случайно выделяет и выносит в заглавие явление природы, представляющее собой одновременно послед-

ствие ядерного взрыва и своеобразный способ распространения экологического загрязнения. Автор называет повесть «Die Wolke». Это немецкое слово имеет два значения — «облако» и «туча»; Вл. Попкович выбирает для своего перевода второе («хмара»). Тем самым переводчик подчеркивает, что «хмару» нельзя считать безобидным источником осадков, каковым является обыкновенное облако. Туча, в отличие от облака, темная, угрожающая. Это уникальное обобщение — центральный символ повести Г. Паузева, призванный побудить читателя задуматься над тем, как сама природа, насильственно измененная человеком, может нести в себе опасность для него.

Весьма примечательно, что в своей повести о Чернобыле писательница использует элементы экспериментальной (визуальной) прозы. Ее книга полна примечаний, вставок, набранных разным шрифтом. Вл. Попкович внимательно отнесся к этой особенности и попытался передать в переводе, где местами может встретиться намеренное выделение речевого фрагмента, представляющего собой пунктир авторской мысли, своеобразную оценку ситуации, комментарий к происходящему, заостренный вывод. К сожалению, текст перевода не является в этом смысле полностью адекватным оригиналу, в результате чего несколько снижается смысловая нагрузка отдельных структурных единиц повествования. Так, например, в эпизоде, где Яна-Берта вспоминает о несостоявшемся экологическом немецком форуме после Чернобыля, автор снова облачает ее мысли в графическую форму, обозначая основную тему того форума следующим образом:

WIE SICHER
SIND UNSERE
ATOMREAKTOREN ? [3, 119]

*Насколько безопасными
являются наши
атомные реакторы?*

Это, в сущности, едва ли не основной вопрос, которым задаются и автор, и главная героиня, и потенциальные читатели повести. Графическое выделение, таким образом, дополнительно акцентирует наше внимание на нем.

Позднее из текста повести мы узнаем, что политики, приглашенные на данное мероприятие, игнорируют его. Никто так и не отважится выступить с трибуны и высказаться на такую рискованную тему, как использование ядерной энергии, гарантируя при этом абсолютную и неоспоримую безопасность «мирного» атома. Невольно обращает на себя внимание вопросительный знак, который автор как бы намеренно уводит в тень, изображая его в блеклом сером тоне. Тем самым писательница подчеркивает тот факт, что сегодня подобного рода вопросы зачастую отодвигаются на второй план, «сильные мира сего» стараются не замечать их... Да и представляется ли возможным какой-то конкретный ответ? Ведь, будучи непредсказуемым, атом так прочно вошел в нашу современ-

ную жизнь, что категорический отказ от его использования вряд ли возможен. Здесь Г. Паузеваг предлагает своему читателю задуматься и при всей неоднозначности и спорности ситуации, попробовать поразмышлять, насколько необходимо создание таких условий, в которых ядерная энергетика станет максимально безопасной и возможно ли это вообще. Что касается перевода, то данное предложение в нем, хотя и передано заглавными буквами, написано «в строчку», а не «в столбик», что значительно снижает уровень его восприятия как чего-то важного; вопросительный знак есть, но он не обозначен так, как у автора, соответственно утрачивается некоторая степень иносказательности фразы.

Пожалуй, самые впечатляющие сцены книги Г. Паузеваг — это сцены бегства юной Яны-Берты и ее брата от «тучи», из мест, зараженных радиацией, т.е. эпизоды так называемой эвакуации. По словам немецкого исследователя Михаэля Грубера, произведение в этом смысле «с самого начала поражает своей чрезвычайной напряженностью» [2, 43]. Рисуя картины переполненных улиц с автомобильными пробками, беспорядками и проявлениями крайних форм человеческой беспомощности и одновременно жестокости, писательница показывает поведение неорганизованных масс, которые превращаются, по сути, в неудержимую и разрушительную толпу. Автор подчеркивает, что человек в толпе способен опуститься до примитивного животного состояния, когда в его поведении начинают доминировать иррационализм и эгоистичность, поступками часто руководит бессознательное, а сам индивид безропотно подчиняется стихии. Таким образом, язык описаний поведения людей и царящих повсеместно беспорядков зачастую окрашен в экспрессивные тона. В частности, автор активно использует такие стилистические приемы, как оксюморон («Hupkonzert» [3, с. 58]), амплификация («ein schrilles, verkrampftes, irrsinniges Lachen» [3, с. 68]), гипербола («star vor Entsetzen» [3, с. 57], «mit einem wilden Blick» [3, с. 58]), сравнения («ging es zu, wie in einem aufgescheuchten Ameisenhaufen» [3, с. 47]). Переводчик постарался максимально точно передать особенности языка писательницы, а также ту апокалиптическую атмосферу, в которой находилась главная героиня повести, поэтому он зачастую применяет дословный полный перевод. («Hupkonzert» [3, с. 58] — «канцэрт сігналаў» [4, с. 36]); «star vor Entsetzen» [3, с. 57], «mit einem wilden Blick» [3, с. 58] — «скамянелая ад жаху» [4, с. 40], «дзікім позіркам» [4, с. 40]; («ein schrilles, verkrampftes, irrsinniges Lachen» [3, с. 68]) — «пісклявы, сутаргавы вар'яцкі смех» [4, с. 48], («ging es zu, wie in einem aufgescheuchten Ameisenhaufen» [3, с. 47]– «мітусня, як у патрывожаным мурашніку» [4, с. 33]).

Там, где это необходимо, переводчик использует комментарий. Например, когда главная героиня знакомится с семьей, пытающейся помочь ей спастись, девочку предупреждают: «Калі цябе будуць пытаць, — сказала жанчына Яне-Бэрце, то мы Гойблеры з Бад Гэрсфэльда. Думай проста пра сена. (Das Neu — сена, прозвішча: Neubler — У.П.)» [4, с. 42]. Вл. Попкович обращает внимание читателя на игру слов в данном эпизоде,

чтобы передать тот символический смысл, который пыталась вложить в эти слова сама писательница. Условно произведение можно разделить на две части — это тщетные попытки главной героини скрыться от радиации, а затем ее жизнь после атомной катастрофы. Таким образом, люди, с которыми девочка вступает на порог «нового» этапа своей жизни, омраченного последствиями страшной трагедии — многочисленными болезнями и смертями родных и близких, носят весьма характерную фамилию, ведь се-но в традиционном смысле ассоциируется с увяданием, высыханием.

Большое значение в повести «Хмара» придается описанию природы. Ее весеннее цветение словно вступает в оппозицию с надвигающейся ядерной опасностью: «Здавалася, здарылася штосьці жудаснае, аднак, ўсе выглядала гэтаксама мірна, як заўсёды: самы звычайны цёплы, ветраны вясновы дзень. Вішні ужо амаль адцвілі. Толькі вакол вёсак у поўным цвеце стаялі яблыневыя сады. Рапсавыя нівы свяціліся жоўтым колерам. Праз два тыдні будзе Сёмуха» [4,18]. Обратим внимание на то, что в оригинале автор ссылается на христианский праздник «День Святой Троицы» (нем. — «Pfingsten», бел. — «Троіца»). Переводчик же использует старинное распространенное у белорусов название этого праздника «Сёмуха». С давних времен для нашего народа он воплощал культ зелени, брака, предков. Таким образом, Вл. Попкович хотел подчеркнуть, как техногенная катастрофа рушит давние устои и традиции, идет с ними вразрез, делая окружающий мир и природу враждебными человеку.

Однажды великий классик немецкой литературы И. В. фон Гёте сказал: «При переводе следует обращаться именно к непереводимому, только так можно постигнуть другую нацию и ее язык» [1, 426]. На наш взгляд, в целом Вл. Попковичу успешно удалось реализовать этот принцип при переводе произведения Г. Паузеванг. Переводчик дал возможность белорусскому читателю не только проникнуть в смысл повести, но и получить представление о художественном мире автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Goethe, J.-W. Faust // Goethes Werke in zehn Bänden. — В. 9, 10. — Weimar, 1961.
2. Gruber, M. Gudrun Pausewang: Die Wolke // Ein Internet-Projekt der Integrierten Gesamtschule Bonn-Beul [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gebonn.de/projekte/buecher/rez/pausew/wolke2.htm>. — Дата доступа: 2.01.2011.
3. Pausewang, G. Die Wolke. — Ravensburger Buchverlag Otto Maier GmbH, 1997.
4. Паўзэванг Г. Хмара / пер. Ул. Папковіч. — Минск, 2011.